

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И НАИВЫСШИЙ ЗАКОН ДЛЯ ОБЩЕСТВА

© 2017 г. Леонид Владимирович Акопов¹

В настоящей статье обосновывается исключительная роль Конституции в качестве национальной идеи и наивысшего закона для гражданского общества, подвергнута критическому анализу публикация А. В. Лагуткина и Л. Ю. Грудцыной, в которой конституция объявлена архаичным правовым инструментом, непригодным для целей управления государством.

In this article the author proves the outstanding role of Constitution as national idea and the highest Law for civil society in contemporary civilization: author critically analyzed the publication of A. Lagutkin and L. Grudtsina, which proclaimed the constitution as an arhaic juridical tool useless for state's management.

Ключевые слова: Конституция, право, национальная идея, гражданское общество, закон, государство, теория конституционного права.

Key words: Constitution, jus, national idea, civil society, law, state, the theory of Constitutional Law.

Еще сто лет назад замечательный российский правовед Е. В. Спекторский характеризовал юридическую конституцию следующим образом: “Она стремится всем обеспечить свободу передвижения, слова, веры, участия в государственных делах. И при этом она не читает в сердцах, не справляется об убеждениях, о принадлежности к той или иной партии. Вот почему в свою очередь все партии при всей своей борьбе по другим вопросам и могут и должны сойтись на вопросе о конституции, ибо она гарантирует общечеловеческие блага – свободу и порядок. И если как удастся упрочить у себя в России прочный конституционный строй, то в отличие от наших предков, призывавших варягов, мы вправе будем сказать: земля наша велика и обильна, и порядок в ней есть (подчеркнуто мною. – Л.А.)”².

Сегодня, когда атаки на действующую российскую Конституцию приобрели перманентный и все более агрессивный характер, крайне важно четко и недвусмысленно расставить “все точки над I”. И сделать это следует как с научно-теоретической, так и с политико-правовой платформы.

В указанном контексте проанализируем опубликованную в 2016 г. в журнале “Государство

и право” в рубрике “Научные сообщения” статью А. В. Лагуткина и Л. Ю. Грудцыной, ничтоже сумняшеся “приклеивающих” конституции ярлык “архаичного правового инструмента”³.

Как сказано в предваряющей эту статью аннотации, в ней “предпринята попытка осмысления с учетом исторического опыта социальной, правовой и экономической природы конституции как оформившегося в конце XVIII в. правового инструмента управления...”⁴.

Однако сам текст статьи, изобилующий существенными пробелами и некорректной терминологией, передегиваниями фактов истории, тезисами из арсенала достижений “мышления по произволу”, наконец, образцами пренебрежения принципом научного подхода, имеет своей целью (умышленной либо неумышленной) подорвать всякое доверие к ныне действующей Конституции РФ 1993 г. и призвать граждан к заключению некоего “Общественного договора”, который, по мнению авторов статьи, якобы “может стать искомой национальной идеей России, объединяющей государство и общество и способствующей развитию демократии в ее лучших проявлениях”⁵.

Остановимся на этом “благопожелании” подробнее.

Как известно, даже инициированные властью предрержащими политиками и аффилированными с ними исследователями многолетние поиски

¹Заведующий кафедрой “Основы правоведения” юридического факультета Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону), доктор юридических наук, профессор (E-mail: norin.gospravo@yandex.ru).

Leonid Akopov, head of chair “Fundamentals of Law” at the law faculty of the Donskoy state technical University (Rostov-on-Don), Doctor of Law, Professor (E-mail: norin.gospravo@yandex.ru).

²Спекторский Е. В. Что такое конституция? М., 1917. С. 16.

³Лагуткин А. В., Грудцына Л. Ю. Конституция как архаичный правовой инструмент: постановка проблемы // Гос. и право. 2016. № 7. С. 101–105.

⁴Там же. С. 101.

⁵Там же. С. 105.

национальной идеи для современной России так и не дали искомого результата.

Собственно говоря, эти поиски были обречены, так как с момента официального обнародования и введения в действие Конституции РФ (с 25 декабря 1993 г.) ни одна концепция общегосударственной идеологии не могла быть легализована *de jure*⁶. В этом смысле мы вполне разделяем мнение Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина о том, что «именно Конституция с заложенной в ней идеей верховенства права определяет лицо новой и исторически преемственной России. Этим достижением надо дорожить. В силу этого достоинства Конституция есть резонное основание, всеобщий источник идейного объединения всего российского народа. На этом основана идея конституционного патриотизма»⁷.

Что касается позиции в этом вопросе нынешнего гражданского общества в нашей стране, то по результатам исследования, проведенного Институтом социологии РАН, был сделан симптоматичный вывод, а именно: «Современные россияне вовсе не тянутся к “уравниловке”. Их мечта о справедливом и разумно организованном обществе тесно связана с тем, что записано в Конституции относительно прав человека, демократии, свободы самовыражения и т.д. Большинство граждан при этом уверено, что именно государство способно все это обеспечить и в конце концов установить порядок и справедливость»⁸.

Конечно же, следует учитывать и то, что подобно подлинной демократии (“демос” и “кратос” в русской транскрипции греческих слов, означающих властвующий народ) Конституция включает в себя вполне определенный набор идеальных целей, к которым то или иное общество должно перманентно стремиться и приближаться.

Раскрывая сущность современной конституции, известные российские ученые Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин четко указывают на закрепление основным законом демократического

государства совпадающих жизненных интересов народа, а также юридическое выражение им достигнутого в обществе консенсуса на базе признания общечеловеческих ценностей, подчеркивая при этом большое значение содержащихся в конституции норм-целей, определяющих ориентацию в развитии страны⁹. Это же можно сказать и о Конституции России.

Убежден, что именно Конституция РФ воплощает в себе исторические ценности и устремления народа и вполне соответствует требованию к государству обеспечивать целостность и единство российского общества, равно как и народный суверенитет, опираясь при этом как на национальные, так и на международно-правовые регуляторы¹⁰.

Сегодня следует вести речь о развитии подлинного и действенного народовластия – реальной демократии для общества, что предопределяет необходимость всемерного расширения возможностей непосредственного волеизъявления народных масс путем возрождения практики общероссийских, региональных и муниципальных референдумов, активизации общественных обсуждений, затрагивающих интересы населения юридических актов и решений, стимулирования народных сходов и собраний по месту жительства, внедрения технологий “электронной” демократии вкупе с механизмами обратной связи институтов гражданского общества с государственно-властными структурами и политическими элитами.

Для этих целей нужно последовательно проводить линию на конституционализацию всей политики управления Российским государством, что означает неременное соблюдение требования соответствия Конституции РФ действий и решений всех органов государственной власти на всех уровнях управления.

Не менее важно гарантировать уважение и соблюдение норм Основного Закона страны всеми членами общества. Образно говоря, отношение к Конституции России должно быть возвышено до уровня почитания и соблюдения священных религиозных текстов (Библии, Корана и иных) теми, кто истинно верует. Конечно, речь не идет о фанатизме и радикализме.

Конституция требует осознанного и нравственно-психологического осмысления, она

⁶ Подробнее об этом см.: *Акопов Л. В.* Конституция России как национальная идея страны в XXI веке // Двадцатилетний период развития конституционализма в России. Сб. ст. по материалам Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной юбилею Конституции Российской Федерации. Ростов-н/Д., 2013. С. 5–12.

⁷ *Зорькин В. Д.* Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М., 2008. С. 222.

⁸ Академик РАН Михаил Горшков – о том, зачем нужна социология и какую цену имеет для власти человек. Капитал не по Марксу // Росс. газ. 2013. 8 нояб.

⁹ См.: *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* Теория современной конституции. М., 2005. С. 49, 54.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Тихомиров Ю. А.* Государство. М., 2013. С. 17–19.

вполне может и должна способствовать формированию морально-правовой установки на восприятие и применение в повседневной жизни выработанных тысячелетиями социальных ценностей и условий демократизации жизни человека в современном правовом государстве.

В этой связи вполне солидарен с тезисом С. Е. Нарышкина о том, что «невнятное представление о ее (Конституции России. — Л.А.) целях и смысле, непонимание ее “буквы” и “духа” не считаются пороком в нашем обществе. Причем даже в тех кругах, где ею обязаны руководствоваться каждодневно. То есть в органах государственного управления. Ведь если в первые после плембисцита годы интерес к Конституции только рос, то сейчас она перестала быть “настольной книгой” и для многих политиков, и для чиновников»¹¹. Очевиден вывод о том, что изучение и осмысление Конституции России должны быть обязательными на всем протяжении воспитательного и образовательного процесса граждан страны. Уместно здесь вспомнить и не зазорно возродить опыт изучения Основного Закона в СССР, о котором можно судить и по тому факту, что в свидетельстве об окончании семи классов Люберецкой средней школы, выданном Юрию Алексеевичу Гагарину, среди всех других отличных оценок стоит и оценка “отлично” по предмету “Конституция СССР”¹².

Подчеркивая ключевую значимость Конституции России в ее мировоззренческом влиянии на граждан, ректор МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА) В. В. Блажеев справедливо отмечает, что “понимание особо важного значения Конституции Российской Федерации закладывается в процессе обучения и обеспечивается прежде всего преподавателями, формирующими мировоззрение будущего юриста, его правовую культуру, активную гражданскую, патриотическую позицию, воспитывая уважение к демократическим свободам, ценностям, а также его способность оценивать государственно-правовые и общественно-политические процессы с точки зрения их соответствия конституционным основам устройства Российской Федерации”¹³.

В этом контексте вряд ли можно считать корректными и ответственными выступления отдельных политиков и правоведов, призывающих

кардинально пересмотреть Основной Закон и даже заново разработать и принять новую конституцию, мотивируя это аргументами вроде: “конституция не священная корова”, “это не мемориал” и т.п.

Такого рода инсинуациям противостоит четкий вывод Г. В. Мальцева: «Конституция и конституционные нормы выражают фундаментальные политико-юридические решения... Значение такого рода решений и схем выходит за рамки жизни одного поколения людей, выражает логику общественно-политического бытия, которая существенно ограничивает возможности их пересмотра. Кто хочет изменить эти фундаментальные решения, не имея на то серьезных причин, рискует стабильностью общества, подвергает его опасностям смуты и неурядиц. Все варианты изменения Конституции, которые проходят через политику и политическую борьбу, связаны с огромным риском. Если конституционные изменения и возможны, то они не должны, во всяком случае, затрагивать “опорные точки”, на которых держится конституционный строй»¹⁴.

Возвращаясь к некорректному определению конституции как “архаичного правового инструмента” в статье А. В. Лагуткина и Л. Ю. Грудцыной, обратимся к известной диалектической парадигме, а именно: конституция есть, несомненно, и “правовой инструмент”, и основной закон; вместе с тем у конституции немало и иных свойств, характеристик и отношений со всеми другими нормативными явлениями и документами. Весь вопрос в том, для чего нужна сегодня конституция государству. Уверен, что отнюдь не только и не столько в качестве так называемого “правового инструмента”, беспепелляционно объявленного авторами статьи “архаичным”.

Уже само весьма усеченное и пробельное обращение к истории появления конституции даже в том виде, в котором оно приводится в статье, показывает, что как основной закон государства конституция легитимируется на довольно высокой стадии становления государственно-организованного общества в качестве инсигнии, провозглашенной полной независимости США от Британской короны, отражающей суверенную волю населения соответствующих североамериканских штатов и юридически оформляющей, равно как и закрепляющей нормы Декларации независимости, и вводящей от имени народа

¹¹ Нарышкин С. Верховенство права и развитие России // Росс. газ. 2013. 12 нояб. С. 5.

¹² См. фотокопию документа в кн.: Гагарина А. Т. Память сердца. М., 1986.

¹³ Основной Закон в системе юридического образования. Чему учит Конституция // Росс. газ. 2013. 7 нояб. С. 3.

¹⁴ Мальцев Г. В. Конституция и правовая реформа в Российской Федерации // Правовые реформы в России: теория и практика осуществления. Ростов-н/Д., 2004. С. 8.

Соединенных Штатов Конституцию как закон наивысшей силы в 1787 г.

Следовательно, контрпродуктивно рассматривать конституцию лишь как правовой инструмент вне системного подхода к пониманию ее сущности. Известно также, что Канада, находящаяся и сейчас под унией Соединенного Королевства, до 1982 г. вообще не имела в своем юридическом арсенале такого правового инструмента, как конституция, однако все же решилась принять ее в качестве вполне современного важнейшего государственно-правового акта.

Обратим внимание также на такой факт: самый высокий уровень дохода на душу населения приходится на государства с наиболее стабильными конституциями, а именно: США, Норвежское королевство, Великое герцогство Люксембург и некоторые другие¹⁵. Очевидно, дело не только и не столько в “инструментально-правовой” характеристике конституции. Наивысший закон – конституция – государства (если он достаточно верно отражает чаяния народа и согласует баланс интересов всех слоев общества и в меру стабилен) выступает фундаментальной основой, скрепляющей и несущей на себе все тяготы единства и борьбы противоположностей в системе “гражданское общество – государство – человек”. Эта миссия конституции значительно сложнее и ответственнее, чем быть использованной в качестве так называемого “правового инструмента”, подлежащего перманентному усовершенствованию, как и любой иной инструмент.

Анализируемая статья отличается наряду с неточными утверждениями также и существенными упущениями в изложении (хотя бы и сжато) истории проблемы вкуче с логическими “тупиками”. Профессиональному читателю весьма очевидны эти погрешности в статье, что избавляет от необходимости их полного перечисления. Приведем лишь один пример. А. В. Лагуткин и Л. Ю. Грудцына утверждают, что якобы при монархии конституция не содержит фиксации каких-либо прав и свобод, ссылаясь на Испанию, Лихтенштейн, Монако, Саудовскую Аравию и другие страны¹⁶. Однако в Конституции Испании полноценно закреплены важнейшие права и свободы подданных (ст. 14–29); в Конституции Княжества Лихтенштейн специальная глава (VI) посвящена основным правам и обязанностям

граждан (ст. 28–44); в Конституции Княжества Монако Титул III назван “Основные свободы и права” (ст. 17–32); в Конституции (а также в Основном низаме правления) Саудовской Аравии закреплены наряду с основными обязанностями государства в сфере прав человека (ст. 10, 26, 29–31 и др.) также и гарантии основных прав подданных (ст. 18, 19, 27, 28, 37, 40 и др.).

Отдельно следует рассмотреть суждения авторов статьи по отношению к Конституции России в связи с поиском баланса интересов общества и государства, которые начинаются с утверждения о том, что якобы современная демократия “изжила себя, конституция как ее выражение также стала архаичной”¹⁷. В подкрепление этого тезиса приводятся выдержки из речи Черчилля в палате общин британского парламента (заметим, что демократию наихудшей формой правления называли еще отдельные древнегреческие мыслители, и Черчилль лишь повторил это в своей речи).

Далее следует безапелляционное заявление относительно того, что Конституция РФ 1993 г. якобы “не обеспечивает реального взаимодействия государства и общества”. И здесь же названные авторы “невольнo” (как они пишут) обращаются к понятию общественного договора в поисках “решения сложнейшего вопроса установления гармоничного баланса между обществом и государством”, тем самым фактически прямо отказывая Конституции в способности играть такую роль. Уместно в этой связи привести мнение известного ученого Б. С. Эбзеева: “Конституция может и должна выступать в качестве юридически узаконенного баланса интересов всех классов и социальных слоев общества, а также наций и этнических групп, образующих единую государственно-правовую общность – многонациональный народ Российской Федерации, от имени которого выступает государство”¹⁸. Он справедливо указывает на большую прогрессивность методологии исследования сущности конституции на основе идеи социального сотрудничества, когда государство выступает в качестве средства общественного согласия и компромисса, способа формирования определенного баланса многообразных интересов, имеющихся в обществе, тогда и конституция выступает в качестве способа легитимации социального согласия и партнерства, гражданского мира, а не как средство достижения победы того или иного класса¹⁹.

¹⁵ См.: *Акопов Л. В.* Конституция США спустя два века с четвертью и нужно ли еще раз менять Конституцию России // Закон и право. 2013. № 2. С. 7–10.

¹⁶ См.: *Лагуткин А. В., Грудцына Л. Ю.* Указ. соч. С. 102.

¹⁷ Там же. С. 104.

¹⁸ *Эбзев Б. С.* Введение в Конституцию России. М., 2013. С. 86.

¹⁹ Там же. С. 87.

“Весьма определенно, – пишет далее Б. С. Эбзеев, – внеклассовый характер Конституции РФ выражен в ее положениях, посвященных свободе и правам человека. Речь идет именно о правах человека, безотносительно к его социальному статусу”²⁰.

Все это, однако, не для наших авторов, которые опираются на весьма спорный и не относящийся непосредственно к вопросу о сути конституции так называемый “парадокс Нейсбитта”. Весьма утрировано и предложение о переворачивании так называемой “пирамиды” управления и не вполне уместны приводимые ими сюжеты из евангельских текстов.

Дальше – больше, переход к оценке полезности теории конвергенции в политике и невесть на чем основанное заявление: “Общественный договор... является, по сути, шансом для России на духовное и политическое возрождение и обретение единства в XXI в.”²¹.

Аналогичны и прочие весьма произвольно заявленные предложения, крайне далекие от теории и практики конституционно-правовой науки.

И, конечно же, исключить возможность для научного дискурса призвана фраза: “Иного пути, на наш взгляд, просто нет”, которой заканчивается текст статьи со ссылкой на претенциозную работу А. В. Лагуткина “Великая иллюзия демократии”²². Примечательно, что в аннотации к этой книге предлагается следующий сценарий подписания предлагаемого автором “общественного договора”: с помощью Интернета и других средств массовой коммуникации “можно будет путем создания некоего негосударственного учредительного сообщества из нескольких сотен тысяч человек путем многоступенчатых выборов, обремененных возрастным, образовательным и, возможно, другими цензами, сформировать группу людей, которые имеют нравственное право подписать этот договор сроком не на два года, а на более длительный период”²³. Мягко говоря, наука о конституции вкупе с теорией государства и права в этом контексте “отдыхают”.

²⁰ Там же.

²¹ Лагуткин А. В., Грудцына Л. Ю. Указ. соч. С. 105.

²² Лагуткин А. В. Великая иллюзия демократии. М., 2014.

²³ <http://law-books.ru/index.php?productID=124>

Отметим, что такая позиция радикального отрицания Конституции названными авторами обнаружится ими уже несколько лет с упорством, достойным лучшего применения. Так, в своем отклике на статью Ю. А. Дмитриева они прямо заявили: “Если Конституция стала неэффективным рычагом давления гражданского общества на власть, если власть не прислушивается к своим гражданам, этот рычаг нужно заменить. Оптимальной демократической заменой Конституции, возвращающей нас к народовластию, общественному согласию и миру, является, на наш взгляд, Общественный договор между гражданским обществом и властью”²⁴.

Свое слово против Конституции и вопреки науке конституционного права указанные авторы обнародовали. В этой связи считаю весьма важным высказаться в защиту Конституции, без которой нет и не может быть мира и согласия в современном гражданском обществе и в любом государстве на планете. Как справедливо отметил один из патриархов отечественной конституционно-правовой науки Б. А. Страшун, “следует помнить, что Конституция должна служить интересам не какой-то отдельной группы или партии, а всего общества в целом, быть справедливой ко всем. Конституция – это запись социального компромисса, который неприемлем только для радикальных и экстремистских сил. Поэтому совершенствовать Конституцию надо чрезвычайно осторожно, избегая любых крайних решений... (подчеркнуто мною. – Л. А.)”²⁵.

Если уж и вести речь о некоем Общественном договоре, то таковой необходимо принимать в рамках ООН для всей человеческой цивилизации, следуя известной максиме И. Канта: “Звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас”.

²⁴ Грудцына Л. Ю., Лагуткин А. В. Слово против Конституции, или о стагнации конституционно-правовой науки [Отклик на статью Ю. А. Дмитриева “О современном этапе развития российской конституционно-правовой науки” // Право и жизнь 2014. № 189 (3). С. 51–67] // Право и жизнь. 2014. № 192 (6). С. 203.

²⁵ Конституция Российской Федерации. Официальный текст с историко-правовым комментарием / Авт. историко-правового комм. Б. А. Страшун. Изд. 5-е, изм. М., 2015. С. 157.